

DOI 10.25587/SVFU.2017.4.8491
УДК 398.22(=512.212)

А. А. Бuryкин

Институт лингвистических исследований РАН

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННИХ ФОРМ ЭПОСА: ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРОТУНГУССКИХ НАРОДОВ

Аннотация. Предметом статьи являются особенности поэтической формы и содержания эпических произведений народов, представляющих северную ветвь тунгусской группы – эвенков и эвенов. Цель статьи – выявление их характеристик, позволяющих выстроить историческую типологию эпоса, которая должна основываться не на социальных характеристиках исполнителей эпоса и не на мире, изображаемом в эпосе, а на объективных формальных характеристиках эпических повествований. Задачи работы – выявление общих черт, свойственных архаическим формам эпических нарративов, не свойственных более развитым позднейшим формам героического эпоса. Автор признает взаимосвязи и взаимные зависимости эпоса и сказки, но предпочитает исходить из того, что миф и несказочная проза, эпос и сказки образуют единую триаду, выстроенную на линии между правдой и вымыслом. Изучение репертуара эпических мотивов и составление свода эпических мотивов позволяет отделить их от сказочных мотивов (несмотря на наличие мотивов, общих для этих жанров) и использовать состав эпических мотивов для историко-типологической характеристики конкретных текстов. Автор полагает, что стадийная эволюция эпоса заключена в увеличении количества эпических мотивов, реализуемых в произведении, от некоторого минимума к максимуму, характеризующему эпос как жанр в его позднейших образцах. Другие признаки раннего эпоса – неопределенность этнической характеристики героев, отсутствие конкретности в изображении этнографической реальности, минимум поэтических средств, побуждающий классифицировать тексты только по особенностям содержания, особенность включения в текст новых персонажей, которые сначала дают о себе знать голосом и только потом появляются в повествовании в видимом пространстве так, что герои могут видеть нового персонажа. Выявленные особенности самых ранних эпических произведений позволяют отнести к ранним эпическим повествованиям многие образцы фольклора палеоазиатских народов (чукчи, эскимосы, коряки), в фольклоре которых эпические формы ранее не обнаруживались или не отграничивались от исторических преданий с военными сюжетами.

Ключевые слова: эпос, миф, сказка, правда, вымысел, сюжет, мотив, поэтика, типология, историческая типология, эволюция.

А. А. Burykin

To the typological characteristic of early forms: the case of north Tungus people

Abstract. The article describes the features of poetic form and content of epic products of the ethnicities representing the Northern branch of Tungus group – Evenki and Evens. The main purpose is to reveal the characteristics that allow building the historical typology of the epic, which should be based neither on the social characteristics of performers of the epic nor on the world represented in the epic, but on the objective formal characteristics of epic narrations. The tasks of the work are to identify the common features peculiar to the archaic forms of epic narrations, and not typical of more developed and chronologically latest forms of the heroic epic. The author recognizes the interrelations and interdependences of the epic and fairy tale, yet prefers to recognize that the myth and not-fantasy prose, epic and fairy tales form the triad built on the line between truth and fiction. Studying the repertoire of epic motives and drawing up the arch of epic motives allows separating epic motifs from fantasy motifs of fairy tales (despite the presence of motifs, common for these two genres), and using the

БУРЫКИН Алексей Алексеевич – д. филол. н., д. и. н., в. н. с. Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: albury@mail.ru

BURYKIN Aleksey Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Dictionary Department, Institute of Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: albury@mail.ru

structure of epic motifs for the historical and typological characteristic of specific texts. The author believes that the gradual evolution of epics in the increased quantity of the epic motifs, from some minimum to the maximum, which can be seen in its latest examples. Other features of the early epic are as follows: uncertainty of the ethnic characteristic of heroes; absence of concreteness of the image of an ethnographic reality; minimal poetic means, inducing to classify texts only by their content; such peculiarity of introducing a new characters to the text as when they first are heard as a voice, and only then appear in a narration in the visible space so that heroes can see the new character. The revealed features of the earliest epic works allow classifying as early epic narrations many samples of folklore of Paleosiberian peoples (Chukchi, Eskimos, Koryaks), in which folklore epic forms have not been found before or they have not been distinguished from historical legends with military plots.

Keywords: epic, myth, fairy tale, truth, fiction, plot, motive, poetics, typology, historical typology, evolution.

Введение

Типология эпоса без преувеличения представляет собой одну из вечных проблем фольклористики. В том, что касается эпоса, эта проблема имеет минимум три аспекта:

1) Этническая типология, рассматривающая соотношение разных традиций, предметом которой иногда может оказаться один и тот же эпический памятник, представленный в фольклоре различных народов, как это имеет место с «Джангаром» или «Гэсэром» у монголоязычных народов и их соседей. Эта область изучения эпоса – как раз на материале «Джангара» в течение многих лет привлекала внимание Н. Ц. Биткеева [1].

2) Историческая типология, предметом которой является стадийно-эволюционная характеристика эпической формы;

3) Типология эпоса в историографическом отношении: здесь одним из предметов исследования окажутся представления о характере эпических произведений в той или иной отдельно взятой традиции, изменяющиеся во времени со сменой научных парадигм, изменяющиеся оценки отдельных эпических сюжетов, мотивов, топики, социальных элементов для жанровой характеристики и стадийной характеристики эпоса. Другой возможный предмет историографии – изменяющиеся представления о генезисе и истории отдельных сюжетов и мотивов, о социальном значении эпоса как фольклорной формы, о социальной природе эпоса и связи отдельных типов эпоса с типами общественной организации.

Мы неслучайно выделяем вопрос об историографии эпоса в отдельную область исследования, т. к. смена научно-методического аппарата в фольклористике, литературоведении, этнографии и истории в наши дни в отечественной науке становится свершившимся фактом, хотя новая парадигма здесь еще не получила окончательного оформления. Хороший пример такого, однозначно типологического подхода – само существование двух изданий книги В. Я. Проппа «Русский героический эпос» [2, 3]: можно посотетовать, что исследований, посвященных изменениям взглядов автора или группы авторов на предмет и иллюстрирующих эти изменения, нет в отношении других эпических традиций. Можно также упомянуть судьбу эпоса об Идиге, который остается недостаточно исследованным в силу того, что в свое время – в 1940-е гг. он получил негативную оценку по чисто социально-идеологическим причинам; научное издание этого эпоса появилось лишь недавно [4].

Историческая типология эпоса развивалась в двух направлениях, одним из которых было сравнение эпических и раннелитературных памятников – с этого начались работы Е. М. Мелетинского, другим – изучение эпических памятников народов Сибири и Центральной Азии, развернувшееся с 1960-х гг. в связи с введением в оборот большого количества материалов по эвенкийскому и эвенскому эпосу. Анализ образцов эвенкийского и эвенского эпоса и является основанием для настоящей работы.

Исследования в области исторической типологии эпоса народов Центральной Азии и Сибири позволили сформулировать ряд бесспорных фундаментальных положений, главным из которых стоит назвать противопоставление *государственных* форм эпоса (киргизский «Манас», калмыцкий «Джангар», «Гэсэр», «Идиге» (варианты названия «Эдиге», «Едигей» и т. п.)) и более ранних *догосударственных* форм эпоса (эпические сказания эвенков и эвенов, якутские олонхо и т. д.) [5, с. 131; 6, с. 423, 428-429], хотя здесь, возможно, будут выявляться переходные формы – например, эпос с изображением государственного устройства, не относящегося

к истории народа-носителя традиции; эпосы, изображающие общество с неопределенной социальной иерархией и т. д. Впрочем, можно сказать прямо – данный классификационный признак типологии эпоса, если его принимать всерьез, представляет нам создателя и исполнителя эпоса таким ортодоксальным членом Союза писателей СССР, отрабатывающим социальный конъюнктурный заказ. Далее мы попытаемся показать, что при типологической классификации эпоса вполне можно обходиться без понятий «государственный» и «догосударственный» эпос, тем более, что и доклассовое, и раннеклассовое общество, как и матриархат, также задействуемый в характеристике эпического материала, представляют собой социально-исторические фантазии. Впрочем, в более поздних работах при исторической классификации форм эпоса Б. Н. Путилов эти термины уже не использовал [7, с. 456-457].

Существенным критерием стадияльной архаичности эпоса, сохраняющим свое значение для основной массы текстов, является пропорциональная составляющая мифологических элементов в эпосе, на что обращал внимание Е. М. Мелетинский: чем архаичнее традиция, тем большее количество элементов мифологии и религиозных воззрений она представляет в эпических текстах. Более того, в поздних работах именно эти характеристики закладываются в основу признаков, на которых строится историко-типологическая классификация образцов эпоса [8, с. 56-62]. Однако, как показывают наблюдения над образцами раннего эпоса на материале эвенского и эвенкийского эпоса – причем здесь выясняется, что эвенские эпические сказания сохраняют гораздо больше архаических черт, чем эвенкийские – насыщение повествования мифологическими элементами характерно не для расцвета и тем более не для истоков эпической формы внутри этнической традиции, как мы можем судить по имеющемуся материалу, оно наблюдается при ее угасании: синкретизм жанров и смыслов тут оказывается вторичным. Показательно, что даже те образцы тунгусского эпоса, которые оказываются в стадияльном отношении близкими развитым формам эпоса – как например, эпическое сказание о Чинанае, опубликованное Г. И. Варламовой [9; 10, с. 19-57], по странным причинам даже записаны много позже, на десятилетия позже, нежели большое число эвенкийских эпических повествований архаического типа. То же можно сказать и о пропорциях в объеме эпических сказаний: разрастание величины эвенкийских эпических текстов, известных в довольно поздних фиксациях [11, 12], едва ли свидетельствует об их большей архаичности.

Типология эпоса и жанровая преемственность

Тезис В. М. Жирмунского, согласно которому в основе героического эпоса лежит богатырская сказка [13, с. 44, 46, 94-97, 108 и др.], до сих пор популярен в теории эпоса [6, с. 269; 14, с. 364] и вроде бы не подвергается сомнению. Однако, во-первых, это положение создает проблемы уже в классификации сказок: в этом случае придется выделять волшебнo-героические сказки в отдельную группу волшебных сказок и придавать ей историко-типологическую перспективу с постепенным нарастанием собственно волшебных элементов – иначе придется отнести богатырские сказки к категории бытовых сказок и считать их разновидностью последних, с чем вряд ли кто-либо согласится. Возникают и другие сложности: если богатырские сказки, как и волшебная сказка и как все иные образцы жанра сказки по определению – это тексты с заведомо вымышленным содержанием, то не вполне понятно, каким образом эти повествования стали осмысляться как имеющие реальную сюжетную или персональную основу. Иначе придется допустить, что в переосмыслении содержания богатырской сказки в сторону реальности на пути ее преобразования в эпос сыграли свою роль мифы, по определению М. И. Стеблин-Каменского, представляющие изложение реальных событий по своей жанровой природе, в противоположность сказке, представляющей заведомый вымысел [15, с. 102, 224-225, 553, 556]. Е. М. Мелетинский, обсуждая вопрос о мифе и сказке, использует два различающих их критерия: «достоверность-недостоверность» и «сакральность-несакральность» [6, с. 262; 16]. К этому добавляется еще «ритуальность-неритуальность» и ряд других, менее существенных признаков [17, с. 287].¹ Главное отличие между эпосом и сказкой, по нашему мнению, состоит

¹ Ритуальность – важное свойство мифа: собственно, мифом надо признавать такое повествование, события и персонажи которого манифестируются не только в нарративе, но и в других формах культуры и искусства – ритуале, вторичных нарративах, изобразительном искусстве, религиозных представлениях.

в том, что если сказка – заведомый вымысел, а миф и несказочная проза – заведомая правда для исполнителя и слушателей, то эпос – как бы возможная правда, потенциальная правда – вот почему эпические герои начинают восприниматься как реальные, а повествования о реальных героях и действительных событиях осложняются эпическими чертами.

Вместе с тем нельзя не отметить того, что в самой основе теории эпоса, безоговорочно принятой и длительное время использующейся в отечественной фольклористике и в изучении фольклора стран СНГ, существуют некоторые недостатки. Самый заметный из них – это идеологическая эволюционность, увязывающая разные типы произведений с разными стадиями развития общества, выявляемыми согласно марксистскому учению о развитии общества. Как нам ныне известно, для общества народов Сибири не являются актуальными ни понятие народности, ни понятие племени, а понятие рода, значимое для тюркских народов Сибири и тунгусских народов, вовсе не соответствует пониманию рода в представлениях о стадиальной эволюции общественного строя. Более того, у палеоазиатских народов (чукчи, коряки, эскимосы) род как социальная единица вообще отсутствует и единицами дифференциации этноса являются территориальные группы. Равным образом неправомерно искать пережитки матриархата в фольклоре, ибо общество с подобной организацией не существовало никогда и не могло существовать: устные истории о женском царстве, распространенные повсеместно (включая казахский фольклор) – это позднейшие инверсионные трансформации с «зеркальным» отражением реальности, характерным для мифологии. Калмыцкий эпос «Джангар» может считаться образцом «государственного» эпоса, однако в нем мы находим громадное количество проявлений архаических, доламаистских религиозных воззрений: и здесь типология с социальной основой не срабатывает.

Типологические характеристики эпоса и северотунгусские эпические сказания

Изучение образцов эвенского эпоса, записанных в 1930-е гг. у охотских эвенов Н. П. Ткачком [18], а также других текстов эвенских эпических сказаний и обращение к другим эвенским эпическим текстам позволило прояснить ряд особенностей поэтики эвенского эпоса и увидеть некоторые специфические характеристики изображения реальности в эвенском и шире – в тунгусском эпосе. Эти черты эвенского эпоса, как представляется, являются определяющими в установлении жанровых признаков эпоса, выявлении стадий эволюции эпоса и этапов развития исторической поэтики эпоса как фольклорного жанра.

Содержание эпических сказаний эвенов, равно как и эвенков, по своей трактовке отличается от содержания сказок: если сказка – заведомый вымысел, а миф – заведомая правда, то в отношении эпоса, как отмечают исследователи, противопоставление «достоверное/вымышленное» реализуется в оппозиции «строгая достоверность/нестрогая достоверность» [16], иначе говоря, события эпического повествования воспринимаются как вполне возможные или вероятные, при этом нарочито лишены сказочного вымысла. Ряд содержательных элементов эпоса – особая жестокость в отношении побеждаемого/побежденного врага или его останков, а также жестокость врагов, нападающих на героев – представляют собой события не из ряда невидимого, не наблюдаемого в обыденности, но из разряда не виденного в реальности, но, тем не менее, вполне возможного: можно говорить, что тут в нарративе имеет место событийная инверсия, своего рода антипод повседневной жизненной практики. Неслучайно, думается, мера и характер вымысла в нарративах ныне привлекает значительное внимание как поэтика необычайного [19]. Здесь в характеристике содержания текста заключается важнейший и общепризнанный критерий отграничения эпоса (возможная правда) от сказки (заведомый вымысел), составлявший камень преткновения в классификации фольклорных текстов по жанрам. Из сказанного определяется такой важный критерий архаичности эпоса, как минимальное присутствие сказочных мотивов и проявлений других фольклорных жанров в эпическом тексте.

Структура эпических повествований эвенов также демонстрирует важные жанрообразующие свойства эпоса и дифференцирующие различия эпоса и сказки. Завершенность, закрытость сказочной структуры, показанная В. Я. Проппом в классической работе «Морфология сказки» и не отменяемая как признак сказки фактами кумуляции и примерами кумулятивных сказок, составляет яркий контраст к структуре эпических повествований, состоящих из гораздо меньшего числа мотивов и реализующих меньшее количество сюжетных тем (термин

Б. Н. Путилова [5, с. 123]), нежели сказка. Эпическое повествование состоит из множества относительно однотипных эпизодов (поиски пропавшей жены, поединки, состязания, временные поражения героя), которые комбинируются в повествовании в неограниченном количестве и разнообразном качестве: в тексте меняются только пространственные и временные характеристики эпизодов и персональная отнесенность героев к событиям, составляющим мотивы. В силу этого обстоятельства довольно трудно отличать друг от друга завершённые эпические произведения и те произведения, которые зафиксированы собирателями не полностью или во фрагментах без начала и конца. Как можно думать, стадийная эволюция эпоса заключена в увеличении количества эпических мотивов, реализуемых в произведении, от некоторого минимума к максимуму, характеризующему эпос как жанр в его позднейших образцах.

Е. Н. Кузьмина составила указатель типических мест для эпоса тюрко-монгольских народов Сибири [20, с. 8-10], где отмечены следующие мотивы: I. ЭПИЧЕСКИЙ МИР: 1. Время перво-творения; 2. Земля богатырей и их противников; 3. Владения богатыря (богатырки) и его (ее) скот; 4. Дворец, юрта, двор, коновязь; 5. Народ (подданные, данники); 6. Созыв народа (для совета, на пир, по случаю наречения богатыря, для прощания); 7. Пленение, угон народа и скота; 8. Разорение земли и владений богатыря (богатырки); II. ЭПИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ; А. Человек: 1. Появление (рождение), одиночество главного героя; 2. Наречение богатыря (богатырки), портреты дающих имя; 3. Быстрый рост, возмужание, мера взрослости главного героя; 4. Мотивировка выезда богатыря (богатырки) из дома (на охоту, для пересчета скота, осмотра владений, получение вести, поиски суженой, на битву с противниками, вещий сон и т. д.); 5. Сборы в дорогу, прощание (с родителями, женой и др.); 6. Богатырское снаряжение: а) одежда, доспехи, б) примерка одежды, в) вооружение (лук, стрелы, меч и т. д.); 7. Богатырская езда: а) описание времени и пространства, б) препятствия; 8. Встреча (с родителями, женой и др.): а) приветствия-диалоги, представление себя, б) поклон, выражение почтения, объятия, пожатие рук, в) братание; 9. Раскуривание трубки; 10. Облик персонажей: а) облик богатыря (богатырки), б) облик второстепенных героинь (сестра богатыря, его суженая, воскресительница, жена, небесная дева, шаманка), в) облик второстепенных героев (братья богатыря, побратимы, хан-тесть и др.); 11. Психологическое состояние: а) гнев, испуг, страх, растерянность, волнение, печаль, плач, радость, смех и т. д., б) богатырский сон; 12. Умственные и физические качества: а) ум, сметливость, хитрость, прозорливость, сила, выносливость, слух, зрение, обоняние, б) чудесные способности, в) музыкальные способности; 13. Богатырская еда: а) описание стола и угощения, б) вкушение яств, в) беседа; 14. Борьба (сражение): а) танец орла, б) вызов на бой, условия борьбы, в) начало борьбы (перебранка перед боем), г) натягивание богатырского лука, д) заклинание стрелы (другого оружия), е) полет стрелы, ж) «анатомия» борьбы (пот, кровь, пена, оголенные ребра, куски мяса и т. д.), з) равновесие сил, и) физическое состояние богатырей во время боя, к) длительность боя, л) место и способ хранения жизненной силы, м) последствия борьбы: влияние на окружающую среду, накал борьбы; 15. Победа богатыря (богатырки); 16. Расправа с противниками (способы уничтожения, укрощения, наказания); 17. Поражение и гибель богатыря (богатырки): а) реакция окружающего мира на гибель богатыря (богатырки); 18. Захоронение богатыря (богатырки); 19. Обретение истинного облика, воскрешение, исцеление, очищение: а) оживление богатырем людей; 20. Героическое сватовство: а) трудная задача, задаваемая жениху (условия ее решения), б) мотивировка отъезда на родину, в) отъезд с невестой, путь домой; 21. Пир (по случаю рождения, наречения, свадьбы, победы над врагом): подготовка пира, его продолжительность; 22. Другие испытания и подвиги богатыря (богатырки): трудные задачи, задаваемые родственниками (сестрой, дядьями, родителями и др.); Б. Богатырский конь: 1. Призывание коня; 2. Характеристика коня: а) происхождение (ниспослание, дарение, наличие), б) облик, в) необыкновенные способности; 3. Прощание с конем; 4. Подготовка коня к походу (лечение, закалка, уход): а) седлание, взнуздание, б) богатырский бег; 5. Упреки коня, его советы; В. Медиаторы: 1. Помощники; 2. Вредители; Г. Антропоморфные персонажи: 1. Мужские (облик чудовищ, мангадхаев, абаасы и др.); 2. Женские (облик чудовищ, мангадхаек, абаасы, шимелдеек и др.); III. ВОЛШЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ (книга судьбы, письменное послание, стрела, перстень, золотое яйцо, платок, драгоценность и т. д.); IV. КОМПОЗИЦИОННЫЕ ВСТАВКИ: 1. Запев; 2. Формула-связка; 3. Вставка между эпизодами; 4. Концовка;

V. РЕМАРКИ СКАЗИТЕЛЯ: 1. Обращение к слушателям перед началом исполнения¹; 2. Ремарки по ходу исполнения; 3. Обращение к слушателям в конце исполнения.

Из приведенного списка для эвенских эпических сказаний и большей части эвенкийских сказаний в публикациях Г. М. Василевич, А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой [21, 22] совершенно не характерны такие признанные эпические мотивы, как чудесное рождение героя, сватовство героя или добывание жены (в одном тексте прямо говорится, что вооруженная борьба из-за женщин – недостойное занятие; это полностью противоречит идеологии раннего эпоса, усматриваемой ранее). Индивидуальные победы в таких сказаниях явно важнее коллективных (один из текстов завершается тем, что люди стойбища начинают жить счастливо, уплатив контрибуцию соседям-победителям). Мы не находим в таких текстах ни описаний одежды героя, ни характеристики оружия. Практически не находит реализации сюжетная тема рождения и взросления сына эпического героя, присутствующая весьма редко и не доводимая до логически предопределенной стадии богатырства сына. Тексты тунгусского эпоса по существу не дают материала для определения эпических констант жизненного цикла героев, составляющих значимый признак содержания высших форм эпоса [23]. Коллективные сцены – пир, сватовство, брачные испытания – встречаются в тех текстах, которые насыщены явно позднейшими мотивами. Сказанное здесь не отменяет значимость типических мест, мотивов или «сюжетных тем» для характеристики тунгусского эпоса и их универсальности [24], но дает возможность устанавливать типологические характеристики разных форм эпоса при помощи количественных параметров и степени представленности типических мест. Исследователи эвенского эпоса излишне увлеклись поисками в текстах тех мотивов, которые характерны для классического эпоса, и, обнаружив их в весьма скромном количестве [25, 26], не заметили того, что как раз составляет специфику эпической архаики, проявляясь в этих текстах.

Изображение социальной реальности в эвенском эпосе по существу нейтрализовано, и этот эффект достигается двумя путями: минимальным количеством героев эпоса и их сюжетных ролей и деактуализацией социальной иерархии там, где она присутствует (упоминание старейшины-Каганкана и «работников» в текстах не играет никакой роли для развития сюжета повествования). В текстах отсутствует и этническая идентичность героев: в случае антропоморфности противоборствующих героев «свои» и «чужие» даже в поединках никак не противопоставляются по социальной или этнической принадлежности. Мы полагаем, что такая трактовка социальной реальности, делающая ее малозначимой для повествования, составляет важное свойство архаического эпоса. Языковая фактура эпоса безразлична к «своему» и «чужому» во всех смыслах: в эвенских и эвенкийских эпических сказаниях присутствуют якутизмы, объем и характер которых никак не связан с наличием заимствованных персонажей или мотивов, но «чужой» язык каких-либо героев нигде не упоминается.

Для большинства эвенских и большей части эвенкийских эпических сказаний характерен тип «одинокого героя», который признается яркой чертой архаического эпоса [27, с. 360–381]. В тунгусоведении принято считать, что его имя – Омэснэ, Омчэни ~ Умчэни, Умусликон и т. п. соотносимо с числительным омэн ~ умун «один» и означает «одинокий», однако нам удалось показать, что формы этого имени восходят к монгольскому слову со значением «сирота» [28]. Соответственно подобная характеристика героя не восходит к мифам о первопредке или культурном герое, но представляет собой опять же инверсию внутри нарратива: одинокий герой эпического повествования противопоставляется, с одной стороны, социуму-коллективу слушающих, с другой стороны, сообществу персонажей сказок, для которых одинокий герой не характерен. Здесь видно еще одно важное отличие сказки и архаического эпоса: если в сказке, как известно после «Морфологии сказки» В. Я. Проппа [29], шесть ролей персонажей, в эпосе достаточно двух – героя и его противника.

Значимыми и важными, прежде всего, для историко-типологической характеристики являются особенности поэтики эвенского эпоса. Поэтика эпоса эвенов, сходная в этом с небольшим числом мотивов-эпизодов, может характеризоваться одним словом – минимализм. Описания

¹ Эту вторую по счету позицию для характеристики тунгусского эпоса должны занять заповедные слова, характерные для монологов отдельных героев.

природы в эвенских эпических сказаниях весьма скупы, смена сезонов хотя и отмечается, но не играет роли в повествовании, описания жилища и бытовые сцены вообще не дают этнографически идентифицируемого материала. Сведено к нулю и описание одежды, богатырского вооружения и доспехов, тем самым являющее разительный контраст к эпосу тюркских и монгольских народов, где эти описания являются типическими местами и имеют формульный характер. Довольно редко присутствуют описания зооморфного помощника героя – оленя и (в одном случае) коня. В эвенских эпических сказаниях у героев практически нет неантропоморфных противников, а многоголовые персонажи представляют собой явные трансформы чего-то более реального в сторону устрашающего вымысла.

Малозаметная, но весьма выразительная черта языка архаического эпоса – это минимальное количество языковых элементов, характерных для данного жанра. Специфичными для эпических сказаний являются лишь единичные слова, чаще всего необычные названия лука и стрел. Для эпической архаики чужды постоянные эпитеты – мы встречаемся с материалом, который не описывается при помощи формального аппарата «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского, потому что в стадильном отношении является более древним, нежели тексты, на которых разрабатывался эталон описания поэтики фольклора в исторической перспективе. Вопреки ожиданиям, язык эпоса не только не показывает разнообразия изобразительных средств, он высоко стандартизован, в нем практически нет синонимов, почти нет определений-эпитетов, не характерно для него и разнообразие синтаксических конструкций. Нечто подобное отмечено недавно Б. Э. Убушиевой для языка калмыцких песен [30]; как видно, такой стиль сохраняется в отдельных традициях и отдельных жанрах буквально до настоящего времени.

Яркий и наглядный пример архаического эпического повествования – один из эвенских фольклорных текстов, записанный в 1950-е гг. В. Д. Лебедевым и включенный собирателем в подборку эпических произведений, «Жили-были старик со старухой» [31, с. 137-139], в котором рассказывается об истреблении пришедших врагов при помощи ловушки. Данный текст по содержанию и по формальным свойствам мог бы быть отнесен и к сказкам, и к историческим преданиям, но он не только охарактеризован собирателем как эпический, но и относится к архаическим эпическим текстам именно по «вероятному» содержанию и минимальному присутствию (скорее, отсутствию) поэтических средств. Эти черты поэтики также весьма важны для историко-типологической характеристики тунгусского эпоса, поскольку являются проявлениями архаики.

Отметим, что тексты, имеющие элементы вооруженного конфликта в содержании, в изобилии присутствуют в фольклоре эвенов и эвенков, чукчей, коряков, ительменов, однако обычно относятся к преданиям – в то же время у палеоазиатских народов не отмечается бытования эпоса. Наши наблюдения позволяют судить о том, что эпические повествования у этих народов имеются, но представлены в самой архаичной из известных нам форм – такой, когда они трудноотличимы от исторических рассказов [32].¹

Интереснейшая особенность эвенских эпических текстов, которая также оказывается дифференцирующей эпос и сказку – это способ введения или представления нового персонажа в повествование. В сказке герой встречается с новым персонажем или предметом, видит его – имеет возможность оценить и охарактеризовать его внешний облик – после чего начинается диалог в словесной форме. В эпосе эвенов герой узнает о появлении нового персонажа так: откуда-то из невидимого пространства (снаружи при нахождении в жилище, сверху, из темноты и т. п.) раздаются слова – монолог, содержащий заповедные слова, индивидуализирующие речевую характеристику данного героя в дальнейшем и являющиеся признаком того, что монолог принадлежит данному герою (иногда герой в продолжении повествования называется по заповедному слову, а не по имени), и только после этого герой видит того, кто произносил ранее услышанный монолог или обращение к нему со стороны другого персонажа. Данное свойство эвенских эпических текстов проявляется системно в десятках случаев как внутри одного

¹ В таких случаях критерием разграничения архаических эпических повествований и преданий будет являться наличие вариантов, в т. ч. в разных этнических традициях (характерная черта эпоса) и их отсутствие или локальная распространенность (характерные для преданий).

текста, так и в группе текстов, и оно также является важным критерием отграничения эпоса от сказки. Эти наблюдения продолжают наметившиеся недавно исследования в области культа слова в фольклоре [33], представлениях о слове как синкретическом феномене и фольклорном персонаже [34] и подтверждают роль особого статуса слова (в широком смысле) как жанрообразующего признака [16].

Мифологические элементы или этиологические мотивы в эвенском эпосе присутствуют весьма редко (их содержит всего один текст, записанный от исполнителя вместе с подборкой этиологических рассказов) и, вопреки сложившемуся в историко-типологических исследованиях эпоса мнению, они выглядят явно вторичными. Аналогичные мотивы в эвенкийском эпосе [35], по-видимому, связаны с тем, что эвенкийский эпос, ареалы бытования которого совпадают с зоной тунгусско-якутских этнокультурных контактов и не выходят за ее пределы, испытал на себе влияние не только якутских олонхо, но и каких-то других форм тюркского или монгольского эпоса.

Заключение

Итак, ранние формы эпических произведений позволяют нам выявить следующие дифференцирующие признаки эпоса, отличающие его от сказки: 1) возможность или вероятность содержания эпоса, в отличие от заведомого вымысла сказки; 2) открытость, незамкнутость сюжетной структуры; 3) минимальное количество персонажей и однотипность ролей персонажей; 4) минимальное количество используемых изобразительных средств в сфере описаний; 5) особый уникальный способ введения и представления новых персонажей.

Завершая изложение, мы можем сказать, что к признакам архаического типа эпоса мы относим такие черты: 1) неопределенность социальной среды, отсутствие этнической дифференцированности и идентичности героев; 2) отсутствие значимости социальной иерархии в повествовании или отсутствие самой социальной иерархии; 3) «зеркальность» в изображении социума системой персонажей повествования: коллективу социума или системе персонажей сказки противопоставляется одинокий герой; 4) неопределенность этнографической реальности, изображаемой или отражаемой в эпосе; 5) чисто прозаическая форма или смешанный характер повествования – исполнительское изложение событий в прозе, отдельные монологи в песенной форме [36, с. 410], в отдельных случаях переходящая в песенную форму. Относительно хронологии и направления изменения формы эпоса у исследователей пока нет единства: С. К. Патканов писал о хантыйском эпосе: «По мнению остяков, в котором заключено многое, часть героических сказаний также имела раньше связную форму былин, но с постепенным обрусением народа стихотворный размер забывался, хотя все черты, придававшие своеобразие: эпитеты, образы и речевые обороты, – верно сохранились» [37, с. 218]; «По причине большого объема героической песни, которая может насчитывать часто 300 и более строф, последняя часть обычно, а иногда и половина сочиняется в прозе. Длинное стихотворение подобного рода требует такого напряжения голоса, что декламирующий иногда хрипит» [37, с. 220]; «Обыкновенно первая часть былины, более или менее значительная, поётся. Когда певец устанет, он начинает излагать дальнейшую часть прозой» [37, с. 301]. Эпос обско-угорских народов типологически выглядит более продвинутым в эволюции в сравнении с тунгусским эпосом, но оказывается явно архаичнее тюркского и монгольского эпоса.

Все названные выше признаки характерны для поздних форм эпоса в своих противоположных значениях: 1) этническая идентичность; 2) иерархичность структуры общества; 3) множественность персонажей-богатырей с их иерархией; 4) этнографическая реальность, ассоциируемая с материальной и духовной культурой носителей эпической традиции; 5) песенная форма исполнения, варьирующаяся в этнических традициях. В связи со сказанным для сказок как жанра значимым явлением оказывается только возрастная и потестарная иерархия: этнографические реалии сказок составляют предмет для типологических, но отнюдь не для исторических исследований – так, герой-дурак, наследующий царский трон после женитьбы на царской дочери, явно не вписывается в реальности исторической этнографии Евразии.

Как представляется, наблюдения над теми образцами эпических сказаний, которые бесспорно относятся к архаическим формам эпоса, хотя бы они квалифицировались так по иным – социальным критериям, позволяют несколько иначе поставить вопрос о генезисе героического

эпоса. Е. М. Мелетинский прямо говорит: «Архаическая эпика выросла из взаимодействия мифов о первопредках – культурных героях с богатырскими сказками или песнями» [36, с. 405], и при характеристике позднейших форм эпоса отмечает: «Рядом с пантеоном богов или вместо него появляется образ верховного вождя или монарха, которому служат богатыри. Враги эпического “племени” также приобретают исторические черты; злые духи и чудовища, если и не полностью исчезают, то, по крайней мере, низводятся до роли помощников враждебного царя» [36, с. 409].

Как мы стремились показать, у архаического эпоса и у классического эпоса есть своя собственная ниша в системе нарративных жанров. Правдоподобие содержания, изображение возможного, но не виденного в архаических эпических рассказах отграничивает их от сказок, одиночество эпического героя может объясняться как инверсия отображения социума в определенном жанре. Вполне определенной выглядит и дальнейшая эволюция такого эпоса – насыщение эпических повествований явно ирреальными «волшебными» предметами и событиями переводит их в разряд богатырских или волшебного-героических сказок. В то же время как увеличение социальных компонентов, корреляция нарративного мира с реальным миром, явно способствующая сложению типических мест в эпосе, социальная персонификация героя, а на поздних этапах – циклическая или генеалогическая организация текстов, объединяющая их в единое повествование, превращает архаический эпос в эпос классических форм.

Литература

1. Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар», проблемы типологии национальных версий. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 155 с.
2. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Л.: ЛГУ, 1955. – 552 с.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1958. – 603 с.
4. Эдиге. Ногайская эпическая поэма. – М.: Наука, 2016. – 512 с.
5. Путилов Б. Н. Эпос народов Сибири и его историческая типология // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1972. – С. 121-142.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.
7. Путилов Б. Н. Эпос народный // Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. – Минск: Наука и техника, 1993. – С. 456-457.
8. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. – М.: РГГУ, 2001. – 169 с.
9. Варламова Г. И., Варламов А. Н. Сказания восточных эвенков. – Якутск: НИИ ПМНС, 2003. – 210 с.
10. Кэптукэ Г., Роббек В. А. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания). – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2001. – 210 с.
11. Эвенкийские героические сказания. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 с.
12. Дулин буга Торгандунин – Торгандун среднего мира / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2013. – 856 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 31). (на эвенкийском и русс. яз.)
13. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1962. – 433 с.
14. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. – М.: Восточная литература, 2004. – 462 с.
15. Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 928 с.
16. Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П. А. Гринцер. – М.: Наследие, 1994. – С. 39-104.
17. Мелетинский Е. М. Миф и сказка // Избранные статьи. Воспоминания. – М.: РГГУ, 1998. – С. 284-296.
18. Эпос охотских эвенков: в записях Н. П. Ткачика. – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – 301 с.
19. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.

20. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
21. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. – М.-Л.: Наука, 1966. – 398 с.
22. Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. – Л.: Наука, 1971. – 330 с.
23. Хабунцова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 256 с.
24. Путилов Б. Н. Универсалии эпического нарратива и его этнические / региональные вариации // Язык. Литература. Эпос. (К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского). – СПб.: Наука, 2001. – С. 411-417.
25. Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 158 с.
26. Лебедева Ж. К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982. – 112 с.
27. Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 426-443.
28. Шарина С. И., Бурыкин А. А. Омчэни, Омэснэ, Умусни, Умусликон. К этимологии имени одинокого героя в эвенских и эвенкийских эпических сказаниях: одинокий или сирота? // I Сибирский форум фольклористов. – Новосибирск: Академиздат, 2016. – С. 90-92.
29. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 168 с.
30. Убушиева Б. Э. Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Элиста, 2013. – 34 с.
31. Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. – Л.: Наука, 1978. – 208 с.
32. Бурыкин А. А. К изучению героического эпоса народов Чукотки: сюжетики, мотивы, типология // Фольклор палеоазиатских народов: материалы II Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21-25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинг, 2017. – С. 244-252.
33. Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). – М.: РГГУ, 2003. – 192 с.
34. Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. – Екатеринбург: Баско, 2007. – 248 с.
35. Бурыкин А. А. Мифологические экспозиции эпических сказаний эвенков и эвенов и их роль для изучения тунгусской космогонической мифологии и для характеристики этнических и локальных традиций // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2017/06/2_Бурыкин_17-26.pdf. – С. 17-26. (дата обращения: 10.10.2017).
36. Мелетинский Е. М. О героическом эпосе // Язык. Литература. Эпос. (К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского). – СПб.: Наука, 2001. – С. 402-410.
37. Патканов С. К. Остяцкая молитва. – Тюмень: Предприниматель Ю. Л. Мандрика, 1999. – 395 с.

References

1. Bitkeev N. C. Kalmyckij geroicheskiy jepos “Dzhangar”, problemy tipologii nacional’nyh versij [Kalmyk heroic epic “Dzhangar”, problems of typology of national versions]. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 1990, 155 p.
2. Propp V. Ja. Russkij geroicheskiy jepos [Russian heroic epic]. Leningrad, LGU, 1955, 552 p.
3. Propp V. Ja. Russkij geroicheskiy jepos. 2-e izd. [Russian heroic epic. 2nd edition]. Moscow, Gos. izd-vo hudozh. lit-ry, 1958, 603 p.
4. Jedge. Nogajskaja jepicheskaia pojema [Edige. Nogai epic poem]. Moscow, Nauka, 2016, 512 p.
5. Putilov B. N. Jepos narodov Sibiri i ego istoricheskaja tipologija [The Epic of the Peoples of Siberia and its Historical Typology]. In: Voprosy jazyka i fol’klora narodnostej Severa [Questions of the language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk, Jakutskij filial SO AN SSSR, 1972, pp. 121-142.
6. Meletinskij E. M. Pojetika mifa. 3-e izd. [Poetics of myth. 3rd edition]. Moscow, Izdatel’skaja firma “Vostochnaja literatura” RAN, 2000, 407 p.
7. Putilov B. N. Jepos narodnyj [National epic]. In: Vostochnoslavjanskij fol’klor. Slovar’ nauchnoj i narodnoj

terminologii [East Slavic folklore. Dictionary of scientific and folk terminology]. Minsk, Nauka i tehnika, 1993, pp. 456-457.

8. Meletinskij E. M. Ot mifa k literature [From myth to literature]. Moscow, RGGU, 2001, 169 p.

9. Varlamova G. I., Varlamov A. N. Skazaniya vostochnyh jevenkov [Legends of Eastern Evenks]. Yakutsk, NII PMNS, 2003, 210 p.

10. Kjeptukje G., Robbek V. A. Tungusskij arhaicheskij jepos (jevenkijskie i jevenskie geroicheskie skazaniya) [Tungus archaic epic (Evenki and Even heroic legends)]. Yakutsk, Izd-vo IPMNS SO RAN, 2001, 210 p.

11. Jevenkijskie geroicheskie skazaniya [Evenki heroic legends]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 1990, 392 p.

12. Dulin buga Torgandunin – Torgandun srednego mira [Dulin buga Torgandunin – Torgandun of the Middle world] / Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, 2013, 856 p. (Pamjatniki jetnicheskoy kul'tury korennyh malochislennyh narodov severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 31 [Monuments of ethnic culture of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East; Vol. 31]). (In Evenki and Russ. lang.)

13. Zhirmunskij V. M. Narodnyj geroicheskij jepos. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki [National heroic epic. Comparative-historical essays]. Moscow-Leningrad, Gos. izd-vo hudozh. lit-ry, 1962, 433 p.

14. Meletinskij E. M. Proishozhdenie geroicheskogo jeposa [The origin of the heroic epic]. Moscow, Vostochnaja literatura, 2004, 462 p.

15. Steblin-Kamenskij M. I. Trudy po filologii [Works on philology]. Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003, 928 p.

16. Meletinskij E. M., Nekljudov S. Ju., Novik E. S. Status slova i ponjatie zhanra v fol'klоре [The status of the word and the notion of genre in folklore]. In: Istoricheskaja pojetika. Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. Otv. red. P. A. Grincer. Moscow, Nasledie, 1994, pp. 39-104.

17. Meletinskij E. M. Mif i skazka [Myth and fairy tale]. In: Izbrannye stat'i. Vospominaniya [Selected articles. Memories]. Moscow, RGGU, 1998, pp. 284-296.

18. Jepos ohotskih jevenov: v zapisjah N. P. Tkachika [The epos of Okhotsk Evens: in the records by N. P. Tkachik]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1986, 301 p.

19. Kovtun E. N. Pojetika neobychnogo. Hudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoj skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropejskoj literatury pervoj poloviny XX veka) [Poetics of the extraordinary. Artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable and myth (On the basis of European literature of the first half of the XX century)]. Moscow, Izd-vo MGU, 1999, 308 p.

20. Kuz'mina E. N. Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo jeposa narodov Sibiri (altajcev, burjat, tuvincev, hakasov, shorcev, jakutov). Jeksperimental'noe izdanie [Catalogue of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts). Experimental edition]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 1383 p.

21. Vasilevich G. M. Istoricheskij fol'klор jevenkov [Historical folklore of Evenks]. Moscow-Leningrad, Nauka, 1966, 398 p.

22. Romanova A. V., Myreeva A. N. Fol'klор jevenkov Jakutii [Folklore of the Yakutian Evenks]. Leningrad, Nauka, 1971, 330 p.

23. Habunova E. Je. Geroicheskij jepos "Dzhangar": pojeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo cikla [The heroic epic "Djanger": poetic constants of the heroic life cycle]. Rostov-na-Donu, Izd-vo SKNC VSh, 2006, 256 p.

24. Putilov B. N. Universalii jepicheskogo narrativa i ego jetnicheskie / regional'nye variacii [Universals of the epic narrative and its ethnic / regional variations]. In: Jazyk. Literatura. Jepos. (K 100-letiju so dnja rozhdenija akad. V. M. Zhirmunskogo) [Language. Literature. Epic. (To the 100th anniversary of the birth of Academician V. M. Zhirmunsky)]. Saint-Petersburg, Nauka, 2001, pp. 411-417.

25. Lebedeva Zh. K. Arhaicheskij jepos jevenov [Archaic epic of Evens]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 158 p.

26. Lebedeva Zh. K. Jepicheskie pamjatniki narodov Krajnego Severa [Epic monuments of the peoples of the Far North]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 112 p.

27. Meletinskij E. M. O drevnejšem tipe geroja v jepose tjurko-mongol'skih narodov Sibiri [On the oldest type of hero in the epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia]. In: Problemy sravnitel'noj filologii. Sbornik statej k 70-letiju chlena-korrespondenta AN SSSR V. M. Zhirmunskogo [Problems of Comparative Philology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. M. Zhirmunsky, corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow-Leningrad, Nauka, 1964, pp. 426-443.

28. Sharina S. I., Burykin A. A. Omchjeni, Omjesnje, Umusni, Umuslikon. K jetimologii imeni odinokogo geroja v jevenskih i jevenkijskih jepicheskikh skazanijah: odinokij ili sirota? [Omcheni, Omesne, Umusni, Umuslikon. To the etymology of the name of a lonely hero in the Even and Evenki epic tales: lonely or an orphan?]. In: I Sibirskij forum fol'kloristov [I Siberian forum of folklorists]. Novosibirsk, Akademizdat, 2016, pp. 90-92.

29. Propp V. Ja. Morfologija skazki. 2-e izd. [Mythology of fairy tale. 2nd edition]. Moscow, Nauka, GRVL, 1969, 168 p.

30. Ubushieva B. Je. Leksika kalmyckikh narodnyh pesen (kognitivno-semanticheskij aspekt) [Vocabulary of Kalmyk folk songs (cognitive-semantic aspect)]: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Elista, 2013, 34 p.

31. Lebedev V. D. Jazyk jevenov Jakutii [Language of the Yakutian Evens]. Leningrad, Nauka, 1978, 208 p.

32. Burykin A. A. K izucheniju geroicheskogo jeposa narodov Chukotki: sjuzhetika, motivy, tipologija [To the study of the heroic epic of the peoples of Chukotka: plot, motives, typology]. In: Fol'klor paleoaziatskikh narodov: materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Fol'klor paleoaziatskikh narodov" (g. Jakutsk, 21-25 nojabrja 2016 g.) [Folklore of Paleo-Asiatic Peoples: materials of the II International Scientific Conference "Folklore of Paleo-Asian Peoples" (Yakutsk, November 21-25, 2016)]. Yakutsk, RIO media-holding, 2017, pp. 244-252.

33. Gabysheva L. L. Slovo v kontekste mifopojeticheskoy kartiny mira (na materiale jazyka i kul'tury jakutov) [The word in the context of the mythopoetic picture of the world (based on the language and culture of the Yakuts)]. Moscow, RGGU, 2003, 192 p.

34. Pushkareva E. T. Kartina mira v fol'klore nencev: sistemno-fenomenologicheskij analiz [The world picture in Nenets folklore: system-phenomenological analysis]. Ekaterinburg, Basko, 2007, 248 p.

35. Burykin A. A. Mifologicheskie jekspozicii jepicheskikh skazanij jevenkov i jevenov i ih rol' dlja izuchenija tungusskoj kosmogonicheskoy mifologii i dlja harakteristiki jetnicheskikh i lokal'nyh tradicij [Mythological expositions of epic legends of the Evenki and Evens and its role for studying the Tungus cosmogonic mythology and for the characteristics of ethnic and local traditions]. In: Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Jeposovedenie [Vestnik of NEFU: Series Epic studies]. 2017. № 2 [Web resource]. URL: http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2017/06/2_Burykin_17-26.pdf, pp. 17-26. (accessed October 10, 2017).

36. Meletinskij E. M. O geroicheskome jepose [About heroic epic]. In: Jazyk. Literatura. Jepos. (K 100-letiju so dnja rozhdenija akad. V. M. Zhirmunskogo) [Language. Literature. Epic. (To the 100th anniversary of the birth of Academician V. M. Zhirmunsky)]. Saint-Petersburg, Nauka, 2001, pp. 402-410.

37. Patkanov S. K. Ostjackaja molitva [Ostyatsky Prayer]. Tjumen', Predprinimatel' Ju. L. Mandrika, 1999, 395 p.

